

Михаил ЗИНОВЬЕВ

СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ ГРАЖДАНСКОГО АКТИВИЗМА В РОССИИ

Аннотация

Ожидания, что гражданское общество в России будет развиваться так же быстро, как в западных странах, оказались несоответствующими реальности и привели к тому, что отечественные ученые практически перестали обсуждать проблемы, связанные с формированием гражданского активизма. Однако генезис и развитие гражданской активности и формы ее поглощения опосредованы культурными традициями, формируемыми не только опытом непосредственно предшествующего исторического периода, но основаниями складывающейся социальной общности, ее институциональными особенностями, вытекающими из культурного контекста и имеющими качественные и темпоральные измерения.

В статье автор дает объяснение низкой гражданской активности в постсоветской России, анализирует особенности формируемого российского общества и его отличия от демократического процесса на Западе.

Введение

В западной политологии преобладает точка зрения, согласно которой гражданская активность

населения России, несмотря на данные официальной статистики о росте числа неправительствен-

ЗИНОВЬЕВ Михаил Анатольевич – аспирант кафедры политологии и права Государственного университета просвещения. Адрес: 105005, Россия, г. Москва, ул. Радио, 10 А, стр. 1. *E-mail*: zinoviev@mail.ru

Ключевые слова: формирование гражданского общества, общественное развитие, гражданская активность, демократический транзит, стратегии развития.

ных, некоммерческих организаций продолжает падать¹. Причину «отставания» российского гражданского общества одни исследователи видят в экономической политике и низком уровне материального благосостояния², другие в несовершенстве конструируемых институтов³. Имеются и такие работы, в которых совершаются попытки разглядеть причины «неудач» в структурных факторах. Од-

нако, избегая глубокого анализа культурных оснований современного развития российского гражданского общества, их авторы ограничиваются указанием на одновременность политических и социально-экономических трансформаций⁴, институциональный дизайн предшествующих политических режимов⁵ или поведенческие установки, сформировавшиеся в советский период⁶.

Особенности формирования российского гражданского общества

Опыт постсоветских реформ общественного строя России, ставший благодатной почвой широкой дискуссии по всем ключевым вопросам социально-политических преобразований, тем не менее дал основание общественному консенсусу по двум узловым моментам.

Во-первых, институты, заимствованные из культурного опыта других стран, как правило, оказы-

ваются малоэффективными или вообще неприменимыми в условиях российской реальности. По мнению представителей современного институционализма, одни и те же институты приводят к разным результатам в зависимости от контекста.

Во-вторых, демократическая перспектива остается ориентиром стратегии общественного развития России. Не вызывает сомнений и

¹ См., например: Salamon L.M. *Global Civil Society: Dimension of the Nonprofit Sector*. Baltimore: John Hopkins Center for Civil Society Studies. 1999; Civicus. *The New Civic Atlas: Profiles of Civic Society in 60 Countries*. Washington, DC: Civicus, 1997 и др.

² См. например: Przeworski A. *Democracy and the Market: Political and Economic Reforms in Eastern Europe and Latin America*. Cambridge University Press. 1999; Haggards, Kaufman R.R. *The Political Economy of Democratic transitions*. Princeton University Press, 1995 и др.

³ Lijphart A. Waisman C.H. *Institutional Design in New Democracies: Eastern Europe and Latin America*. Boulder: Westview Press, 1996.

⁴ Offe C. *Capitalism by Democratic Design? Democratic Theory Facing the Triple Transition in Central Europe* // *Social Research*. Vol.58. No4. 1991. P.865-892 и др.

⁵ Bunce V. *Subversive Institutions: The Design and the Destruction of Socialism and the State*. Cambridge University Press. 1999; Solnick S.L. *Stealing State: Control and Collapse in Soviet Institutions*. Harvard University Press. 1998 и др.

⁶ Jowitt K. *New World Disorder: The Leninist Extinction*. Berkeley: University of California Press. 1992; Sztompka P. *Civilizational Incompetence: The Trap of Post-Communist Societies* // *Zeitschrift für Soziologie*, Vol. 22. No2. 1993. P.85-95.

обусловленность демократического транзита процессом формирования гражданского общества.

Вместе с тем гражданское общество, как и любой другой институт, имеет качества и сущностные характеристики, опосредованные конкретным контекстом. Не исчерпывают его характеристики в отношении России, упрощенные указания на советское прошлое, как главную причину слабости гражданского общества⁷.

Направления формирования, как и основные черты гражданского общества, обусловлены социальными цивилизационными основаниями социума, исследование которых, в этой связи, является необходимым условием когнитивного процесса его описания.

Нерелевантные ожидания ускоренной имплементации российского гражданского общества в привычной западному миру модели привели к деактуализации в отечественном дискурсе проблематики, связанной не только с направлениями его формирования и основополагающими характеристиками, но и вообще возможности объективизации этого феномена на российской почве. «Более десяти лет прошло после коллапса социалистической системы, – пишет М.Ховард, – но граждане постсоветских и постсоциалистических стран все еще очень далеки от того, чтобы активно строить гражданское общество,

объединяясь в добровольные организации, как народы других стран и регионов мира» [1, С. 13].

Несмотря на наличие значительного опыта научного осмысления, проблемы российской политологии далеки от сколько-нибудь удовлетворительного ее освоения. Такое положение дел объясняется, во-первых, некритическим заимствованием из западного обществознания исследовательского инструментария и попыткой изучения феномена вне культурного контекста.

Во-вторых, сложностью и мобильным состоянием самого объекта исследования, например, в силу трансформации консолидирующих социум ценностных ориентиров. По данным Левада центра, сформировавшийся в 1990-е гг. «образ европейского демократического будущего в настоящее время стал дополнительным фактором разобщенности социума»⁸. Попытки простого объяснения сложного феномена гражданского общества, с момента своего зарождения, находящегося в непрерывной динамике, определяемой помимо внешних факторов, чертами, обусловленными социальным контекстом генезиса, адекватностью институтов воплощения и темпоральными характеристиками, не принесет желаемых результатов.

Наиболее перспективный подход в описании гражданского общества, предложенный западной политологией, заключается в ком-

⁷ Ховард М. М. Слабость гражданского общества в посткоммунистической Европе. М.: Аспект Пресс. 2009, с. 13

⁸ VII Грушинская конференция. 15 марта 2017 г. М. 2017. С.7.

плексном исследовании «конфигурации» факторов и условий.

Комплексный подход «конфигурации» факторов предполагает анализ гражданского общества с точки зрения эффективности институтов его воплощения, в том числе их позитивной оценки населением, соответствия институтов «общественным потребностям, традициям или культуре общества» и признания временной протяженности институционализации гражданского общества»⁹.

Другими словами, генезис и развитие гражданской активности и формы ее воплощения опосредованы культурными традициями, формируемыми не только опытом непосредственно предшествующего исторического периода, но основаниями складывающейся социальной общности, ее институциональными особенностями, вытекающими из культурного контекста и имеющими качественные и темпоральные измерения.

Основополагающие социетальные черты эволюционирующего социума, складывающиеся в ходе конкретного исторического процесса, определяют не только хронологические характеристики развития гражданского общества, способность интегрировать институты, уже актуализированные культурным опытом других народов, но и сам «механизм», приводящий в движение социаль-

ные мотивы сотрудничества и взаимодействия граждан.

Объяснение низкой гражданской активности в постсоветской России выработанным советской реальностью недоверием общества к официальным организациям «коммунистического типа», разочарованием в институтах, пришедших на их смену сейчас, и «сохранением ценностей межличностных сетей общения», замыкающихся на «частный круг общения», не инициирующий мотивацию «вступления в добровольные организации»¹⁰, имеет ограниченный когнитивный потенциал. Во-первых, в силу допускаемой обусловленности поведения наиболее активной молодежной части населения деструктивным опытом коммунистических организаций, который по естественным причинам не может являться фактором его фундирования, не говоря о том, что таковой, напротив, является важным основанием консолидации представителей старшего поколения. День рождения комсомола, несмотря на неофициальный статус, по-прежнему отмечается не только в столице, но и во всех регионах России. Во-вторых, потому, что сами конструкты «коммунистических организаций» где-то на интуитивном, а где-то на осознанном уровне базировались на ментальных, аксиологических основаниях, уходящих вглубь исторического

⁹ Katznelson I. Structure and Configuration in Comparative Politics // Lichbach and Zuckerman. Comparative Politics: Rationality, Culture and Structure / Cambridge: Cambridge University Press. 1997.

¹⁰ Gibson J.L. Social Network. Civil Society and Prospects for the Consolidating Russia's Democratic Transition // American Journal of Political Science. Vol. 45. No 1. 2001. P. 51-68.

прошлого. Именно поэтому эти структуры, казалось, трансцендентные российскому обществу относительно легко социализировались, а прививаемые ими ценности стали достоянием массового сознания. Конечно, сказанное не означает, что не существовало общественного отторжения коммунистической идеологии, особенно на этапе «позднего социализма». Однако причины этого явления имеют свои корни, не всегда связанные с разочарованием в ее содержании, и заслуживают специального изучения.

В-третьих, вследствие некорректного переноса критериев оценки зрелости механизма функционирования и институционального оформления гражданского общества из западного демократического процесса на российскую почву.

Отсутствие ясных представлений о структурных предпосылках генезиса и развития российского гражданского общества, а также обусловленности их «силовыми» направляющими, формирующими облик и механизм гражданского взаимодействия, по-прежнему, ограничивает возможность релевантного подхода к анализу гражданского общества России.

Вместе с тем, научный поиск в формате концепции «конфигурации факторов» и определение его основных направлений в рамках культурной адаптивности институтов совсем не означает интеграцию контента понятия гражданского

общества в отличный от общепринятого модуса. Несмотря на наличие в политической науке большого количества определений¹¹ описательные свойства феномена достаточно артикулированы. Не вызывает сомнений и разной трактовки фундирующие феномен ценности, которые кратко можно охарактеризовать двумя емкими посылами: взаимодействие и сотрудничество. Несмотря на отличие в деталях, политологи сходятся в определении системообразующих черт гражданского общества. Как правило, под таковым понимается система отношений сотрудничества, связанная с проявлением гражданской активности, основанная на доверии его акторов, институционализированная в добровольных организациях, группах и ассоциациях и актуализирующаяся вне государственных структур. Позиционирование гражданского общества вне государственных структур меньше всего означает его изолированность и какую-либо автономность. Гражданское общество по представлению Дж. Линз и А. Степэна интерактивно интегрировано в целостную социальную систему и особенно демократическое пространство с его субъектами и механизмами взаимодействия. Предложенная интеллектуалами схема, как и любая другая, носит отпечаток условности, но имеет конструктивный потенциал, обусловленный подходом к описанию гражданского общества в

¹¹ См., например: Баранов Н.А. Гражданское общество // URL: [http:// nicbar.ru/Khg/82-oris-sloppy-dzom.html](http://nicbar.ru/Khg/82-oris-sloppy-dzom.html) (дата обращения: 12.02.2023).

контексте многосложности социальных связей.

С точки зрения определения конкретных подходов в изучении российского гражданского общества требует критического замечания указание авторов на «законодательно-рациональные» основания общественной сферы, на которые опирается гражданская солидарность. Доминантное положение «правовых принципов» и «законодательства», релевантное в западных социумах, не является определяющим общественные связи и социальные практики в России. Однако это не означает, что в отечественном социуме отсутствуют предпосылки функционирования гражданского общества, но свидетельствует об иных механизмах, инициирующих гражданскую консолидацию. Мало того, «в муках» рождаемое отечественное гражданское общество является единственным средством установления правового порядка и демократического «транзита».

Как в случае с демократическим процессом на Западе, так и продвижением России по пути демократии гражданское общество, являясь продуктом прямой демократии, направляется в цивилизационный тренд, призванный, если не ликвидировать, то сократить зазор между актуальными институтами демократии и подлинным народовластием.

Такое положение выглядит несколько некорректно, если иметь в виду господствующее в западной

политологии представление о том, что функциональное пространство гражданского взаимодействия ограничено исключительно «выражением интересов, защитой и реализацией повседневных потребностей» [1, С. 51].

Особенность формируемого российского общества заключается в том числе в преодолении привычной для Запада границы гражданской активности. Очевидно, что, несмотря на свою незрелость, выражения гражданских устремлений в России достигают политической сферы. В этой связи наиболее продуктивным в определении пространства гражданского общества представляется мнение, согласно которому границы его функциональности имеют общие (конкретные для каждой страны) зоны совмещения с политической и экономической сферами [1, С. 52].

Одним из наиболее проблемных аспектов дискурса постсоветской политологии, затрагивающим зону диффузии гражданского общества и политической сферы, стал вопрос взаимодействия с государством. Сложившаяся в результате осмысления опыта социалистических режимов, в известном смысле антиподов гражданской самоорганизации экспертная и академическая позиция противопоставляет государство и гражданское общество. Такое мнение одинаково распространено как в отечественной, так и в западной политической науке¹².

¹²См., например: Gelner Conditions of Liberty. Civil Society and Rivals. N 4: Allen Lane, Penguin Press. 1994. P. 212.

Помимо аргументов западных политологов в пользу того, что «только демократическое государство может породить гражданское общество...»¹³, в контексте российской действительности отрицание интерактивной связи государства с гражданским обществом не отражает глубинные черты национального исторического процесса. Государство в России занимало и до настоящего времени занимает центральное место в общественных процессах, и поэтому рассматривать важнейший феномен социальных связей, каким является гражданское общество, вне его влияния, значит искусственно упрощать или даже деобъективировать реальность.

Кроме того, социалистический режим, отторжение которого явилось главной причиной неприятия государства гражданами большинства постсоветских республик Восточной Европы, не вызывает неприязни у российского населения. По данным «Левада-Центра» 68% россиян хотели бы возвращения социализма и СССР¹⁴. Причем, настроения в пользу социалистического прошлого у россиян растут. Аналогичный приведенному, показатель сторонников социализма в 2005 году составлял 57 %¹⁵.

Совсем «крамольно», с точки зрения западной политологии, выглядит мнение отдельных отечествен-

ных политологов о том, что вынужденная социализация российского государства обуславливает его субъектность в национальном демократическом процессе [2].

Особенности отечественного процесса формирования гражданского общества, согласно концепции «конфигурации факторов», проявляются в адаптационном потенциале его институтов на национальной культурной почве. Например, стихийные проявления гражданских настроений на Западе обычно не принято относить к явлениям, связанным с гражданским обществом и, напротив, протестные акции (пикетирование, демонстрации и т.д.) обязательно рассматриваются его неотъемлемым компонентом. Однако стихийные проявления гражданских настроений, черпающие свои истоки в вечном мироустройстве, сохранившем преемственность в общинной организации, существовавшей в России на протяжении веков, являются частью ментальности россиян и не могут быть исключены из актуальных структур гражданской активности только на том основании, что таковые не ведут «к созданию устойчивой организации – с названием, штабом, штатом и волонтерами» [1, С. 55]. Напротив, протестные публичные выступления, ставшие рутинным явлением

¹³ Walzer M. The idea of Civil Society. A Path to Social Reconstruction // Community Works: The Reval of Civil Society in America / Ed. by E.J.Dionne, Jr.Washington. DC. Booking Institution Press.1998. P.140.

¹⁴ Ивашкина Д. Опрос: 68% росиян хотели бы возвращения к социализму и СССР // Комсомльская правда. 19 апреля 2016 г.

¹⁵ Каждый пятый россиянин хочет вернуться к социализму // Lenta.ru. 2 марта 2005 г.

западного образа жизни, не находят ментальных оснований в российском культурном опыте.

Еще больше возражений вызывают положения западной политологии о том, что только добровольные гражданские организации либеральной направленности могут быть причислены к структурам гражданского общества. «Востребованы ли либеральные методы на российской почве? – спрашивает профессор Н.А. Баранов и отвечает на поставленный вопрос, – Опыт демократизации 1990-х гг. свидетельствует о неприменимости идей классического либерализма в политической практике современной России. Российский народ отвергает идеи индивидуализма, нерегулируемого рынка, как несоответствующие российским традициям и менталитету»¹⁶. По данным фонда общественного мнения, только 18% россиян относятся положительно к либерализму в его западной трактовке¹⁷. Особенно после того, как западный истеблишмент, по крайней мере его официальные круги, фактически предпочли партнерским отношениям конфронтацию с Россией, в отечественном общественно-политическом дискурсе набирают силу национально ориентированные, в том числе патриотические тенденции, которые увеличивают зазор между российским и классическим прочтением либерализма. Отличительным признаком либерализма

«по-русски» является неприятие свободы личности, идущей вразрез с традиционными моральными нормами и предпочтениями.

Очевидное несоответствие западного и российского артикулирования либерализма явилось основанием К. Ханну утверждать, что «гражданское общество имеет фундаментальный, исторически обусловленный, этноцентрический западный смысл, который не совсем удачно передается незападной части мира», а «дискуссии о гражданском обществе до сих пор слишком ограничены современными западными моделями либерал-индивидуализма» [3, С. 1-3]; актуальное его понимание базируется на «идеале социальной организации», который «развивается в исторических условиях, не повторимых в других частях современного мира» [3, С. 3]. Малопродуктивное мнение Крис Ханна о сложности воспроизводства на незападной почве институтов гражданского общества имеет весьма ценное продолжение о том, что дискуссию о соответствии их западной модели постсоветской социальной реальности необходимо перенести в плоскость «изучения ценностей и верований в повседневной практике» [3, С. 14].

Вызывает сомнение корректность применения для «замеров» состояния российского гражданского общества, принятых в западной по-

¹⁶ Баранов Н.А. Политические отношения и политический процесс в современной России. Либеральные тенденции в массовом политическом сознании // URL: society.polbu.ru (дата обращения: 20.02.2023).

¹⁷ Наранович С. Либерализм – это неизвестно что // Rusplt.ru 12 ноября 2013 г.

литологии формальных критериев количества и численности неправительственных организаций. Так, например, Д. Норт, Д. Уоллис и Б. Вайнгаст в своей монографии «Насилие и социальные порядки», опубликованной в Кембридже в 2009 году, по этому поводу пишут: «Важность групп и организаций для жизни современных либеральных демократий остается краеугольным камнем огромного корпуса литературы по гражданскому обществу.

Богатая и разнообразная сеть групп и организаций контролирует как действия правительства, так и условия, в которых индивидуальные ценности – терпимость, участие, гражданственность – могут быть воспитаны. Мы основываемся на обоих этих аспектах гражданского общества». Мало того, ученые отмечают, что «существует корреляция между числом организаций и уровнем экономического и политического развития» [4, С. 48-49].

Критерии оценки гражданского участия

Отнесение феномена гражданского общества исключительно к формальным и иерархизированным структурам (НКО, ИПО, движениям, фондам и т.д.) грешит двумя недостатками или корректно с учетом двух допущений: во-первых, при этом не берутся во внимание новые возможности социальной консолидации, рожденные информационной революцией, а именно устойчивые сети, которые по степени сплоченности не уступают традиционным организациям и, во-вторых, оценка зрелости гражданского общества по количеству, формальным общественным структурам и их членам не дает представления о главном – уровне социального сотрудничества и доверия, продуцируемых этими организациями.

Высказанные сомнения относительно релевантности критерия оценки гражданского участия по количеству и численности обще-

ственных организаций разделяют не только отечественные политологи, но и представители западного академического сообщества. Так, например, М. Олсон говорит о эмпирических исследованиях, «которые показывают, что средний индивид на самом деле обычно не принадлежит к большим добровольным организациям; и утверждение, что типичный американец всегда член какой-нибудь организации, – в огромной степени лишь миф» [5, С. 18].

Если и существуют контраргументы позиции, подвергающей сомнению возможность эмпирического описания феномена гражданского общества, который ее сторонники относят исключительно к нормативной сфере, то их следует искать в результативности и эффективности влияния на социальный процесс, продвижение демократии, но не в формальном участии граждан в общественных организациях.

Например, более показательны в этом смысле результаты неформального общественного движения «за здоровый образ жизни» и предотвращение алкоголизации населения страны, особенно активизировавшегося с 2004-2005 годов. В общественных местах, метро, транспорте и т.д. расклеивались листовки приблизительно такого содержания «если ты русский – брось пить!» Молодежные активисты развернули агитацию за вовлечение сверстников в спортивные клубы, туризм и здоровый образ жизни. Благодаря консолидации гражданской активности в этой проблеме, ситуация, которую СМИ образно окрестили «Русский крест», стала меняться к лучшему. Вести здоровый образ жизни стало «модно». «Заподозрить» в его продвижении государство вряд ли корректно, учитывая низкий уровень доверия населения к его институтам. Коренной перелом в ситуации с оздоровлением россиян стал возможным именно благодаря общественному участию. При этом такое утверждение, конечно, не означает, что государство совершенно не предпринимало усилий в направлении оздоровления общества. Результатом общественной компании стали резкое сокращение потребления алкоголя россиянами и рост средней продолжительности жизни.

Имеются и косвенные свидетельства роста гражданской актив-

ности россиян. По данным Центра исследования гражданского общества Высшей Школы экономики (февраль 2017 г.) с 2014 года вырос уровень информированности населения о некоммерческих организациях и доверия к их деятельности. В 2017 году 86% россиян заявили о том, что знают хотя бы об одной общественной организации, 66% о доверии к их начинаниям, а 28% об участии в их деятельности при том, что до сих пор уровень доверия населения к общественным структурам не превышал 35%¹⁸.

Приведенные качественные показатели гражданского участия выглядят значительно более релевантно, чем критерий формального членства населения в общественных организациях.

И все же в отечественной и зарубежной политологии сложился консенсус относительно формальных границ гражданского общества, которая предполагает признание его структурами «законности других организаций в общественной сфере и сами действуют в рамках законов» [1, С. 56].

Не существует разногласий российской и западной политологии по поводу роли гражданского общества в демократическом процессе, которую адекватно определил Л. Даймонд. Кроме контроля и ограничения власти государства гражданское общество «стимулирует политическое участие, развивает демо-

¹⁸ Исследование: уровень доверия россиян к деятельности НКО и гражданских объединений вырос до 60 % // Агентство социальной информации // <http://asi.org.ru> (дата обращения: 21.02.2023 г.).

кратическую культуру терпимости и переговоров, создает дополнительные каналы для агрегирования и артикулирования интересов и перекрестного движения, рекрутирует и воспитывает новых лидеров,

совершенствует функционирование демократических институтов, расширяет и обогащает каналы информации для граждан, рождает коалиции в поддержку экономических реформ»¹⁹.

Актуальные факторы гражданской активности

Аксиоматичным в западной политологии, связанным с устоявшимся этноцентрическим содержанием либерализма, стало положение о том, что уровень развития гражданского общества напрямую обусловлен уровнем поддержки государством политических прав и свобод личности, иначе говоря, наличием функционального правового порядка. В сопоставлении с российской социальной реальностью, такие факторы генерирования гражданского участия выглядят не безусловно.

Исследования наиболее авторитетных научных центров страны свидетельствуют о том, что политические права и свободы личности, являющиеся консолидирующим основанием западного гражданского общества, не входят в круг приоритетных социальных ценностей россиян.

Закону и праву, составляющим стержневой конструкт западной цивилизации, россияне предпочитают нравственные нормы, гаран-

тирующие справедливость. Согласно исследованиям Института социологии РАН, 40% россиян согласились с утверждением, «что не так важно, соответствует что-либо закону или нет, главное, чтобы это было справедливо»²⁰.

Таким образом, основополагающие институты западной цивилизации, составляющие доминантные опоры, в том числе гражданского общества, не являются обязательным «каркасом» российского этоса и онтологическими установками консолидации отечественного гражданского общества.

К факторам, определяющим гражданскую активность, помимо упомянутых, политологи справедливо относят социальный порядок, в значительной степени обусловленный доверием населения к политическим институтам. В России наблюдается обратная пропорциональная связь между активной жизненной стратегией и уровнем доверия к политическим институтам.

¹⁹ Diamond L. *Toward Democratic Consolidation in the Global Resurgence of Democracy*, 2nd ed. edited by Larry Diamond and Marc F. Plattner (Baltimore: Johns Hopkins University Press. 1996) P. 229.

²⁰ О чем мечтают россияне (размышления социологов). Аналитический доклад Института социологии РАН М. 2012. С. 39.

Наиболее пассионарная часть российского населения меньше, чем другие социальные группы доверяет политическим институтам. Учитывая исторически обусловленное взаимоотношением общества и власти такое положение дел можно считать вполне предсказуемым. Российская власть и государство с момента своего появления не были интегрированы с общественными интересами, а чаще их предпочтения довели над социумом.

Принятое в западной политологии положение об обусловленности уровня гражданской активности доверием к институтам власти в приложении к российской реальности требует по крайней мере некоторых пояснений. Его адекватность особенностям общественного развития Запада, обусловленным характером генезиса государства, не вызывает сомнений. Государство «общественного договора» является, согласно взглядам просветителей, заложивших основы либеральной демократии, продуктом устремлений «свободных и равноправных» индивидов, т.е. результатом деятельности человека. Совсем иное позиционирование государства и общества характерно отечественному культурному опыту. Государственность появилась на отечественной почве, в отличие от западной, не в качестве продукта общественного развития, а как результат исторически сложившихся обстоятельств, напрямую не связанных с процессами, происходившими в обществе древ-

них насельников Восточно-Европейской равнины.

С момента своего зарождения и в силу последующих исторических условий интересы государства и общества, за исключением коротких временных промежутков, не были интегрированы, поэтому недоверие населения к государственным структурам является особенностью российской ментальности, уходящей своими корнями вглубь веков. Исключение составляет персональный носитель верховной власти – глава государства, личность которого, во-первых, традиционно олицетворяется с богоизбранной личностью, а, во-вторых, является неотъемлемым компонентом соборного «мира», гарантирующего равенство и справедливость.

Факторами, препятствующими гражданской консолидации российского общества, в большей степени, чем недоверие к институтам власти, модернизация которых «значительно опередила модернизацию общества», являются, во-первых, отсутствие «ясно выраженной социальной идентификации каждого индивида» [7, С. 124] и, во-вторых, доходящий до предельных значений социальный раскол, составляющий в представлении большинства экспертов и политологов непреодолимое препятствие в интеграции российского социума и модернизации страны²¹. Последний негативный фактор представляется особенно деструктивным вследствие доминирования

²¹ См. Глазьев С.Ю. Запредельное неравенство // Завтра. 2015. 24 августа.

в российской ментальности ценности справедливости [8, С. 12], ассоциируемой в сознании граждан не только с материальным равенством, но прежде всего с равенством прав.

Почти 40% россиян, говоря о справедливости, имеют в виду равенство граждан перед законом, и только 20% связывают такую с равенством в уровне жизни [9, С. 150].

Заключение

Таким образом, временная утрата в отечественном дискурсе интенсивности осмысления проблематики, связанной с формированием гражданского общества, не является следствием его деактуализации в общественной практике. Стратегия достижения демократической перспективы выдвигает задачу активизации гражданского участия в качестве императивов в поступательном общественном развитии.

Вместе с тем, академическая рефлексия направлений, механизмов и результатов гражданской консолидации в России не должна

копировать подходы, выработанные западной политологией, и релевантные культурному опыту других стран.

Отсутствие разногласий по целому ряду основополагающих, качественных характеристик объекта исследования не исключает, но, напротив, предполагает определение черт и стратегий развития гражданского активизма в России в контексте отечественного культурного опыта, обусловливающего, в том числе, темпы его формирования, направления консолидации и механизмы рекрутирования.

Список литературы

1. Ховард М. М. Слабость гражданского общества в посткоммунистической Европе. М.: Аспект Пресс. 2009. 190 с.
2. Маммадов М.М. Особенности модернизации постсоветских политических режимов // Обозреватель – Observer. № 7. 2017. С. 5-32.
3. Hann Ch. Introduction: Political Society and Civil Anthorapology // Civil Society: Challenging Western Models / Ed. by Ch. Hann and E. Dunn. London. N 4: Routledge. 1996. 260 p.
4. Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества / пер. с англ. Д. Узланера, М. Маркова, Д. Раскова, А.Расковой. М.: Изд. Института Гайдара. 2011. 260 с.
5. Олсон М. Логика коллективных действий. Общественные блага и теория групп / Пер. с англ. М.: ФЭИ. 1995. 165 с.

6. Lipset S.M. Some Social Requisites of Democracy: Economic Development and Political Legitimacy // American Political Science Review. Vol. 33. No 2. 1959. P. 69-105.
7. Линейкий А.В. Институты гражданского общества в общественных трансформациях: теория и практика посткоммунистических стран // Политэкс. 2007. Т. 3. № 4. С. 123-135.
8. Цыганков А.П. Сильное государство: теория и практика в XXI веке // Россия в глобальной политике. Том XIII. Спецвыпуск. 2015. С. 12-18.
9. Давтян Д.В. Ценность справедливости как основа потенциала консолидации населения в современной России // Научные ведомости. 2015. № 4 (211). Вып. 33. Серия Философия. Социология. Право. С. 148-152.

ZINOVIEV Mikhail A. – Postgraduate student of the Department of Political Science and Law of the State University of Education. Address: 10A Radio str., p. 1, Moscow, 105005, Russia. E-mail: zinovievm@mail.ru

Keywords: formation of civil society, social development, civic engagement, democratic transit, development strategies.

STRATEGIES FOR THE DEVELOPMENT OF CIVIC ACTIVISM IN RUSSIA

Annotation

Expectations that civil society in Russia will develop as quickly as in Western countries turned out to be inconsistent with reality and led to the fact that domestic scientists practically stopped discussing problems related to the formation of civil activism. However, the genesis and development of civic activity and the forms of its implementation are mediated by cultural traditions formed not only by the experience of the immediately preceding historical period, but also by the foundations of the emerging social community, its institutional features arising from the cultural context and having qualitative and temporal dimensions.

In the article, the author explains the low civic activity in post-Soviet Russia, analyzes the features of the Russian society being formed and its differences from the democratic process in the West.

References

1. Howard M. M. The weakness of civil society in post-communist Europe. Moscow: Aspect Press. 2009. 190 p.
2. Mammadov M.M. Features of modernization of post-Soviet political regimes // Obozrevatel - Observer. No. 7. 2017. pp. 5-32.
3. Hann Ch. Introduction: Political Society and Civil Anthorapology // Civil Society: Challenging Western Models / Ed. by Ch. Hann and E. Dunn. London. N 4: Routledge. 1996. 260 p.
4. North D., Wallis D., Weingast B. Violence and social orders. Conceptual framework for the interpretation of the written history of mankind / translated from the English by D. Uzlaner, M. Markov, D. Raskova, A. Raskova. M.: Ed. Gaidar Institute. 2011. 260 c.

5. Olson M. The logic of collective action. Public goods and the theory of groups / Trans. from English M.: FEI. 1995. 165 p.
6. Lipset S.M. Some Social Requisites of Democracy: Economic Development and Political Legitimacy // American Political Science Review. Vol. 33. No 2. 1959. P. 69-105.
7. Linitsky A.V., Civil society institutions in social transformations: theory and practice of post-communist countries // Politex. 2007. vol. 3. No. 4. C.123-135.
8. Tsygankov A.P. Strong state: theory and practice in the XXI century // Russia in Global Politics. Volume XIII. Special Issue. 2015. P.12-18.
9. Davtyan D.V. The value of justice as a basis for the potential of population consolidation in modern Russia // Scientific Vedomosti. 2015. No. 4 (211). Issue 33. Philosophy series. Sociology. Law. P. 148-152.